

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ИНТЕРВЬЮ МЭРА МОСКВЫ Ю.М. ЛУЖКОВА журналу «Власть»

Для того, чтобы понять корень ошибок, нужно понять роль государственной собственности в дореформенной России.

Не будет преувеличением сказать, что основой всей системы жизнеобеспечения российских граждан были доходы от государственной собственности. Это не все понимают, так как соответствующие доходы не включались в явном виде в заработную плату. Зато и при покупке товаров мы не оплачивали переносимую в них в процессе производства часть стоимости средств производства и ресурсной ренты. В капиталистической экономике не включать эти суммы в цену нельзя - остановится расширенное воспроизводство. У нас - другое дело. Поскольку государство и распоряжалось собственностью, и было обязано содержать граждан, то ровно на столько, на сколько увеличились бы цены, - на столько бы пришлось увеличить и заработную плату. Считалось, что суммы, «перекладываемые из кармана в карман», нецелесообразно включать в расчеты.

Описанное «упрощение расчетов» дорого обошлось. Поскольку доходы от собственности потреблялись в скрытом виде, не было объективной меры потребления, и единственным его регулятором был дефицит. Государственные чиновники корректировали потребление через лимиты, нормативы и очереди. Из-за этого вся система была недостаточно эффективной и криминальной. Но доход, причем значительный, был и потреблялся гражданами фактически почти на уравнильных началах. Именно поэтому мы, при зарплате примерно на порядок меньше, чем в США, имели жизненный уровень всего в два раза ниже.

Регулируя потребление, чиновники фактически распределяли доход от собственности. Не устранив их из этого процесса, никогда не добиться высокой эффективности. Но как это сделать практически? Наша концепция, в схематическом изложении, может быть сформулирована следующим образом.

Доход от собственности перед приватизацией должен быть выражен в явном виде, и все, что изымается у государства, должно быть без остатка передано в руки граждан. Одновременно некоторые социальные и коммунальные услуги должны переводиться с дотационного финансирования на прямую оплату гражданами. А новому собственнику могут принадлежать только приращение дохода и амортизационные отчисления. Только так можно гарантировать, что от реформ никому не станет хуже, кроме «трутней».

Если бы сформулированные условия были соблюдены, приватизация стала бы благом, способствовала бы экономическому росту. Собственность сама бы нашла «эффективного владельца». Нам не пришлось бы платить человеку 150 долларов в месяц зарплаты, а потом дотировать ему еще 300 на оплату социальных и коммунальных услуг, выколачивая эти средства с помощью нелепой налоговой системы, наказывающей человека за любой производительный труд. Люди получали бы сами свои 400-500 долларов и их отношения с социальной и коммунальной сферой приняли бы цивилизованные, рыночно-конкурентные формы. Произошло бы то, что мы называем «приватизация стоимости воспроизводства рабочей силы». И мы бы получили возможность больше нагружать налогами тех, кто больше потребляет, а не тех, кто больше производит.

К сожалению, все эти принципы и условия были полностью нарушены. При приватизации никто не беспокоился о доходах от собственности. Приватизация проводилась не ради выгоды, а «из принципа». Был выдвинут тезис о том, что «частник работает лучше». Как будто не было известно, что хорошая работа определяется не тем, частник это или государственный чиновник, а тем, каковы стимулы, увязывающие поощрение и наказание с результатами труда. Кстати, напомним, что «стимулом» раньше называлась заостренная палка, с помощью которой животные, например слоны, принуждались к исполнению тех или иных действий. Частник, по определению, имеет преимущества перед госсектором *по* скорости принятия решений, но он никогда добровольно не станет «изворачиваться» для эффективного производства товаров и услуг, если может получить большие доходы более легким способом. Если в госсекторе бескомпромиссно действуют стимулы получения конечного результата, - его эффективность ничуть не меньше. Я, например, сомнева-

юсь, что частный сектор сумел бы довести за два года производство самолетов на Урале до 40 000 тыс. в год на пустом месте, с нуля. Другое дело, что создание эффективных стимулов в госсекторе осложняется многими факторами, а для частного сектора они уже известны.

На самом деле методика приватизации была такой, что государственность доставалась тому, кто ею фактически распоряжался. И без всяких обязательств. Г-н Чубайс даже выдвинул тезис с целесообразности обмена «власти на собственность». Он говорил, что раз люди приемлемо распоряжались собственностью до реформ, став частниками они автоматически станут это делать еще более эффективно. Но поскольку старые стимулы были ликвидированы, а новые не созданы, все пошло не по тому сценарию, как обещал Чубайс, а так, как предсказывало Правительство Москвы. Нужно было хотя бы прислушаться к нашим предостережениям.

Вот почему приватизация не создала хозяев производства, бескомпромиссно заинтересованных в продуктивном использовании собственности. Новые собственники «обменяли власть на собственность» не для расширенного воспроизводства, а для перепродажи и спекуляции.

Вот почему люди лишились дохода от бывшей государственной собственности и не получили ничего, кроме бумажки с названием «ваучер», которая стала не инструментом раздела собственности по справедливости, а невиданных в мировой практике афер.

Но вернемся к нашей основной теме.

Второй провал - политика Правительства в отношении природных ресурсов страны. Общественная собственность на природные ресурсы была вторым источником жизнеобеспечения наших граждан, которые в скрытом виде потребляли ренту с природных ресурсов, пользуясь ими, по существу, бесплатно. Сейчас народ потерял недра. Государство утратило это важнейшее управление. Отпуск цен на энергоносители и приведение цен к мировому уровню произошли весьма странным образом. По существу, мы передали гигантской и безжалостной монополии право формировать цены и присваивать ренту на природные ресурсы. Это удушающим образом действует на производство. Почти 70% хозяйствующих субъектов не могут оплатить энергоресурсы, самолеты не летают потому, что для

оплаты топлива нужно установить такие цены на билеты, которые невозможно купить. Билеты на городской транспорт продают чуть не четверть зарплаты. Вооруженные силы не имеют возможности приобрести топливо (!).

Проблема энергоресурсов неразрешима без кардинальных изменений экономической политики. Нужно, чтобы каждая тонна добытых энергоресурсов оплачивалась государству в объеме 60-80% «мировой цены». Это нормальная практика. Во Франции, например, в каждом франке цены бензина 80 сантимов составляет доход государственных бюджетов разных уровней. За 20% цены удается расплатиться за доставку и крекинг, содержать сбытовую сеть и иметь приличный доход. У нас почти ровно наоборот. Сбытовые организации получают более 50% цены. Конечно, это не все сверхприбыли. Часть этих средств попросту растраниживается за счет потерь, неэффективной работы и устаревшего оборудования. Но даже то, что оседает, дает сбытовым организациям возможность буквально «беситься с жиру». Они сооружают себе мраморные небоскребы, имеют возможности посылать своих работников в отпуск на Канарские острова и многое другое. И это при несовершенной технологии и устаревшем оборудовании! Да в любой нормальной стране эти организации разорились бы на другой день. То, что я прав, подтверждается тем обстоятельством, что все эти доходы и траты имеют место в организациях топливно-энергетического комплекса при наличии 60% неплатежей.

Если бы, с помощью предложенной выше меры, сверхприбыли топливно-энергетического комплекса были переведены в доходы бюджета, мы имели бы достаточно средств, чтобы обеспечить все государственные системы и, прежде всего, армию энергоресурсами. Мы смогли бы повысить зарплату так, что каждый, как и прежде, мог бы приобрести билет на самолет, а авиакомпании - приобретать топливо по «мировым ценам». Мы не приходили бы в ужас от необходимости четыре раза в день пользоваться городским транспортом. Мы открыли бы мощные стимулы энергосбережения и повышения эффективности работы поставщиков энергоресурсов. Мы смогли бы сократить налоги на производственную деятельность, и производители тогда смогли бы приобретать энергоресурсы в необходимом количестве. Главное: тогда производство товаров и услуг стало

бы более доходным, чем распродажа сырья или спекуляция недвижимостью, а труд приобрел бы свою подлинную цену, благодаря чему стал бы нарождаться средний класс - основа стабильности и процветания общества.

Наличие в руках государства этого мощного управления позволило бы решить экономическими методами вопросы доступности минимального набора жизненно важных потребительских товаров. Здесь, может быть, даже не удастся избежать и прямого регулирования цен, учитывая дикость периода начального накопления капитала.

Все это известно специалистам и широко опубликовано. Не только нами. Есть детальные математические модели, убедительно доказывающие правильность сформулированных предложений. Очень опасно думать, что избиратели в своем большинстве этого не понимают. Если бы Правительство заняло правильную позицию в этом вопросе, НДР получило бы еще 10% голосов. Не нужно думать, что предлагаемые меры сильно бы сократили доходы сырьевых отраслей. Вместо сверхприбылей они бы получали дополнительные доходы за счет экономического роста.

Вопрос: *А каким может и должно быть в Москве местное самоуправление? Как добиться того, чтобы оно не выродилось в комитеты пенсионеров при домоуправах?*

Ю.М. Лужков: Если сказать кратко, у него должно появиться значимое для граждан дело и бескомпромиссная ответственность за конечный результат перед жителями самоуправляющейся территории. На мой взгляд, однако, проблема самоуправления граждан столь важна, что я хотел бы поговорить о ней чуть подробнее.

Начну с того, что Москва уже имеет самоуправление. И глава исполнительной власти и представительный орган - городская Дума - избираются прямым, равным, тайным голосованием на альтернативных выборах. В городе никоим образом не ущемляются гражданские свободы или средства массовой информации. Город имеет собственный устав, хартию, как сказали бы на Западе. Если вы помните, даже Верховный совет был в свое время осмеян за желание сместить со своего поста мэра Москвы. Большую часть вопросов своей внутренней жизни город решает, не обращаясь к органам федеральной власти. Ну, чем вам не самоуправление?

Однако город Москва - это слишком большая система и, наверное, ей нужна иерархия самоуправлений. Если мы хотим построить городскую власть, функционирующую в интересах жителей, мы должны рассматривать граждан как заказчиков услуг власти. При этом возникает вопрос: кто конкретно подписывает контракт, удостоверяет исполнение заказа, оценивает объем и качество работы, платит деньги и приводит в действие конкурентные механизмы? Неужели каждый гражданин в отдельности? Это невозможно как в силу дороговизны такой процедуры, так и потому, что в этой схеме гражданин оказывается один на один с могучей монополией организованной государственной власти. Что ждет гражданина в этой ситуации, мы хорошо помним. Именно поэтому мы говорим, что в России сейчас нет более актуальной задачи, чем наличие самоуправления граждан.

Так может быть, издать указ Президента или постановление Думы или даже закон Российской Федерации о повсеместном введении в России местного самоуправления? Убежден, что не получится. В такой стране, как Россия, самоуправление нельзя **создать**, оно может только **возникнуть**. И оно возникнет рано или поздно. Наша задача - стимулировать этот процесс, чтобы это случилось как раз вовремя.

Математически рассчитать оптимальную скорость, конечно, даже не стоит и пытаться. Нужно инициировать саморегулирующийся процесс. Для этого необходимо создать налогово-правовые условия, стимулирующие возникновение местного самоуправления.

Комментарий: какие для этого нужно сделать шаги, рассмотрено в основном докладе при рассмотрении вопросов государственного устройства на основе принципов корпоративного бюджетного федерализма и конкурентного функционально-стоимостного подхода.